

ЧЕБЫШЕВСКИЙ СБОРНИК

Том 22. Выпуск 5.

УДК 51

DOI 10.22405/2226-8383-2021-22-5-263-269

**Ещё раз о «десанте» московских математиков
в Петроград в 1921 году**

С. С. Демидов

Демидов Сергей Сергеевич — доктор физико-математических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

e-mail: serd42@mail.ru

Аннотация

Заметка посвящена приезду в июне 1921 года большой группы московских математиков, главным образом учеников Н.Н. Лузина, в Петроград для участия в мемориальных заседаниях по случаю 100-летия со дня рождения П. Л. Чебышева. Этот исторический визит стал первой в советской истории математической конференцией, а также первым шагом москвичей в преодолении возникшей ещё в 1880-е годы конфликтной ситуации во взаимоотношениях математиков двух столиц.

Ключевые слова: П. Л. Чебышев, Московская школа теории функций, Российская Академия наук, Петербургская математическая школа, Петроградский университет.

Библиография: 8 названия.

Для цитирования:

С. С. Демидов Ещё раз о «десанте» московских математиков в Петроград в 1921 году // Чебышевский сборник, 2021, т. 22, вып. 5, с. 263–269.

CHEBYSHEVSKII SBORNIK

Vol. 22. No. 5.

UDC 51

DOI 10.22405/2226-8383-2021-22-5-263-269

**Once again about the «landing»
of Moscow mathematicians in Petrograd in 1921**

S. S. Demidov

Demidov Sergey Sergeevich — doctor of physical and mathematical sciences, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

e-mail: serd42@mail.ru

Abstract

The note is devoted to the arrival in June 1921 of a large group of Moscow mathematicians, mainly students of N. N. Luzin, to Petrograd to participate in memorial meetings on the occasion of the 100th anniversary of the birth of P. L. Chebyshev. This historic visit became the first mathematical conference in Soviet history, as well as the first step of Muscovites in overcoming the conflict situation that arose in the 1880s in the relationship between mathematicians of the two capitals.

Keywords: P. L. Chebyshev, Moscow school of function theory, Russian Academy of Sciences, Petersburg mathematical school, Petrograd University.

Bibliography: 8 titles.

For citation:

S. S. Demidov, 2021, “Once again about the «landing» of Moscow mathematicians in Petrograd in 1921”, *Chebyshevskii sbornik*, vol. 22, no. 5, pp. 263–269.

1. Введение

Ранним утром на площадь перед Николаевским вокзалом Петрограда высыпала шумная кампания людей, по преимуществу молодых. Это были прибывшие из Москвы математики, в большинстве своём ученики профессора Николая Николаевича Лузина. Какие это были точно дата и день недели установить сегодня сложно. Можно сказать только, что это было начало июня – к июню относил это событие Л.А. Люстерник [1, 2], а на 26 мая, как тогда считали¹, приходился день рождения Пафнутия Львовича Чебышева: москвичи прибыли как раз на торжества, которые проводились их петроградскими коллегами в ознаменование 100-летия великого математика. Приехали, как вспоминал Л.А. Люстерник, «университетские профессора Н.Н. Лузин, В.А. Костицын, С.П. Фиников с жёнами, старая гвардия Лузитании – В.В. Степанов, ... В.Н. Вениаминов, П.С. Урысон, «ивановцы»² А.И. Некрасов – ректор Ивановского политехнического ин-та, Д.Е. Меньшов, А.Я. Хинчин, А.Н. Власов, аспиранты 1-го и 2-го МГУ – С.Д. Россинский, В.С. Богомолова, А.Ю. Зеленская, С.С. Ковнер и только что закончившая досрочно университет и оставленная при нём Н.К. Бари, человек 8 – 9 старшекурсников –

¹Как было установлено В.Е. Прудниковым, обнаружившим соответствующую запись в метрической книге храма Преображения Господня в селе Спас – Прогнанье Калужской губернии, Чебышев родился 4 (16) мая 1821 г. см [3].

²В жестокую пору гражданской войны спасавшиеся от голода и холода в Иваново - Вознесенске.

студентов, среди них Юлия Рожанская, «Татуля» (Татьяна Юльевна) Айхенвальд, Бэла Певзнер, Митя Перепёлкин, Коля Ньюберг и др., в том числе – автор», Л.А. Люстерник [2], [с. 190]. Шумная кампания, «взявшись под руку, “широким фронтом” двинулась по мостовой Невского проспекта» (на котором практически отсутствовал транспорт – город только начинал приходить в себя после событий великой революции) к Дворцовой площади. Подробности об этом «десанте» мы черпаем сегодня из двух источников – из уже упомянутых воспоминаний Лазаря Ароновича Люстерника (1899 – 1981) [1, 2] и недавно опубликованных мемуаров [4] Владимира Александровича Костицына (1883 – 1963). Оба участника событий описывали их по памяти, уже будучи пожилыми людьми³, и отдельные, зачастую важные, моменты, переданы ими по-разному, а иногда даже входят во взаимное противоречие. Так Костицын называет среди приехавших П.С. Александрова (и даже числит его среди докладчиков на заседании Петроградского математического общества – об этом ниже), тогда как Люстерник пишет, что Павел Сергеевич заболел и в Петроград не поехал. Впрочем, ничего удивительного в таком разном нет – память подводит. К тому же оба рассказчика принадлежали в описываемое время к совершенно разным кругам московского математического сообщества – Костицын к профессорскому (он был в то время одной из самых влиятельных фигур в советской научной администрации и ехал, в частности, уладить некоторые проблемы, возникшие в управлении Пулковской обсерваторией), Люстерника же следует причислить к самым «низам» на его иерархической лестнице – он был просто студентом. Так что их положение и, соответственно этому, информированность, а потому и сама «оптика» были совершенно различными. Впрочем, в вопросе о наличии в «десанте» Александрова следует верить Лазарю Ароновичу: он делился своими воспоминаниями на торжественном заседании, посвящённом столетию Московского математического общества [1], в присутствии самого Александрова, в то время как Костицын писал их в Париже, не имея никаких возможностей для проверки сообщаемой информации. В других же вопросах следует доверять скорее Костицыну, обитавшему «в верхах». Так Люстерник пишет [2], [с. 189]: «Приглашение принять участие в юбилее, естественно, было послано Московскому университету – alma mater П.Л. Чебышева – и Московскому математическому обществу, членом-учредителем которого он был». Костицын же сообщает [4], [с. 202]: «около 40 московских математиков, молодых и не столь молодых ... должны были выехать в Петроград без приглашения, потому что Академия наук, верная своим традициям, никого из Москвы не пригласила». И потому, когда москвичи уже добрались до Академии наук, там «были напуганы такой обширной делегацией и не проявили ни гостеприимства, ни корректности: под предлогом, что программа чествования уже выработана, представителям Москвы не было предоставлено слово для приветствия» [4], [с.203].

Удивляться такому приёму особенно не приходится. Московские и питерские математики к тому времени вот уже почти сорок лет как пребывали в состоянии конфронтации, зачастую переходившей в открытые столкновения. Напомним лишь о дебатах по поводу результатов В.Г. Имшенецкого 1887 – 1891 гг. о методах нахождения дробно-рациональных интегралов линейных дифференциальных уравнений, все коэффициенты которых и свободный член – целые рациональные функции (см. [5], [с. 433]). Москвичи (К.А. Андреев, П.А. Некрасов и др.) поддерживали петербургского академика, с яростной критикой которого выступили его петербургские коллеги (А.А. Марков, А.Н. Коркин, К.А. Поссе). Дебаты эти завершились заседанием Московского математического общества в июне 1892 года, после которого Имшенецкий скончался в одной из московских гостиниц. Или о столкновении москвичей с петербуржцами в связи с результатами С.В. Ковалевской об интегрировании уравнений движения твёрдого тела вокруг неподвижной точки, в 1888 году удостоенных премии Академии наук Франции. А.А. Марков обнаружил пробелы в её доказательствах и обрушился на Ковалевскую с резкой

³Записи В. А. Костицына датируются маем 1950 года, воспоминания Л. А. Люстерника 1961 годом, когда он «на некоторое время по состоянию здоровья» оказался «оторванным от обычных занятий» [1], [с. 21].

критикой. В её защиту выступили московские математики П.А. Некрасов и Г.Г. Аппельрот, попытавшиеся заполнить эти пробелы (см. [6]).

Конфронтацию петербургских и московских математиков следует рассматривать в контексте культурной оппозиции двух столиц, носившей в основании своём причины идеологического характера. Если Санкт-Петербург обозначил для России западно-европейский вектор развития, то Москва стала символом ушедшего Московского царства, старого уклада жизни, старых культурных традиций (см. [7]). Две столицы с самого начала оказались в культурном противостоянии. Петербург ощущал себя городом европейским – не говоря уже о самом его облике, о настроениях в области литературы и искусства, здесь всегда более отчётливо проявлялись прозападные религиозные, мировоззренческие и политические устремления. Здесь царил дух совсем иной, чем в златоглавой, с её спокойным размеренным бытом, с её подчеркнутой русскостью, православием, большей, чем в северной столице, преданностью престолу. И то, что в Петербурге пребывала Императорская Российская Академия наук, лишь усиливало элитарный характер столичного научного сообщества, в частности, математического, противопоставляя его сообществу провинциальному, в том числе московскому, в свою очередь никогда не расстававшемуся с претензиями математиков старейшего российского университета. В Петербурге и Москве сложились математические сообщества совершенно разные по духу, в конечном итоге определившие взгляды на математику и теоретические предпочтения, обусловившие различия в тематике исследований. Сложившееся конфронтационные взаимоотношения обострились в 90-е годы, когда после уходи из жизни П.Л. Чебышева, старавшегося сохранять добрые отношения со своей Alma mater, фактическим лидером петербуржцев стал воинственный А.А. Марков⁴.

Не принесли мира в отношения и начавшаяся в 1914 году Первая мировая война, развившиеся в 1917 году революции и последовавшая за ними гражданская война. Тяжело пережили все эти события наука и образование. Отсутствие нормального снабжения продуктами питания и топливом поставило городское население на грань выживания. Особенно тяжело пришлось крупным городам, прежде всего Петрограду и Москве, в которую в 1918 году переехала столица государства. В 1921 году закончилась гражданская война и стала постепенно налаживаться мирная жизнь. В Петрограде начал работать Физико-математический институт Академии наук, директором которого стал В.А. Стеклов (именно из него в 1934 выделится Математический институт им. В.А. Стеклова – один из ведущих математических институтов XX столетия), а в Московском университете уже велась работа по организации Научно-исследовательского института математики и механики⁵, открытого в 1922.

Такова была ситуация в Петрограде и Москве в июне 1921 года – в дни, когда петроградские математики решили праздновать столетие со дня рождения создателя Петербургской математической школы великого русского математика П.Л. Чебышева.

Посвящённое этой дате торжественное заседание Академии наук (а оно было собрано через день после прибытия в Петроград московского «десанта») открылось докладом А.В. Васильева, который, пишет Костицын [4], [с. 206], «рассказал биографию Чебышева и дал очень хороший обзор его деятельности. Говорить о работах Чебышева по теории чисел должен был академик Марков, который, никогда, по-видимому, не способен говорить на тему и всегда должен выказывать оппозицию установленной власти». И теперь «он говорил не столько о

⁴Эта «холодная война» математиков двух столиц накладывала отпечаток на жизнь всего российского математического сообщества, так как профессура российских университетов в значительной степени состояла из воспитанников столичных университетов.

⁵Люстерник вспоминал [2], [с. 25]: «Добавлю: и в вагоне (то есть по дороге из Москвы в Петроград – С. Д.), и в студенческом общежитии (где поселили молодёжь из московского «десанта»; профессоров разместили в Доме Учёных – С. Д.) дискутировалась новость - предстоящее открытие в Москве при МГУ Института математики и механики». Надо думать, что эта новость обсуждалась и в гостинице Дома Учёных, где остановился со своей женой и В. А. Костицын - один из создателей и руководителей нового института.

Чебышеве, сколько о хорошей эпохе, в которую жил Чебышев, тогда как теперь “каждый безграмотный товарищ может явиться сюда, заявить, что я ничего не понимаю в теории чисел, и выгнать меня вон”. И надо было слышать тон, каким было произнесено это ненавистное слово “товарищ”».

Далее, здесь мы уже предоставим слово Люстернику [2], [с. 25]⁶, «В. А. Стеклов прочёл доклад “Теория и практика в трудах П.Л. Чебышева”, вышедший через два года в свет⁷».

Возможность выступить с докладами была предоставлена москвичам на следующий день на приуроченных к юбилею Чебышева заседаниях Петроградского математического общества, которые проходили в здании университета. Из петербуржцев, как пишет Люстерник [2], [с.25], на этих заседаниях выступили Я.В. Успенский, Б.А. Венков, Г.М. Фихтенгольц и др., из москвичей – Н.Н. Лузин, А.И. Некрасов, П.С. Урысон. А также, добавим мы, В.А. Костицын. Об этом мы узнаём из его воспоминаний (см. [4], [с.204]: «Из нас докладывали Некрасов, Александров⁸, Урысон и я»). Про доклад Костицына Люстерник либо запамätовал, как Костицын о лузинском докладе, либо посчитал за благо о докладе эмигранта (а Костицын в 1928 г. эмигрировал во Францию, впрочем к тому времени его уже не было в живых) не упоминать. О содержании московских докладов (обо всех кроме костицынского) мы знаем от Люстерника следующее [3], [с. 192]: «А.И. Некрасов рассказал о своих работах по теории нелинейных интегральных уравнений, возникших в связи с теорией распространения волн. Разработанный им метод их решения получил название «метод Некрасова». Лузин строил пример аналитической функции, стремящейся к бесконечности всюду на границе круга сходимости; для этого приходилось вести построения на последовательности окружностей, стремящихся к граничной. Конечно, лузитанцы «болели» за своего шефа, который должен был показать «зазнавшимся петербуржцам» класс математики. Когда Лузин кончил, Павел Урысон подбежал к нему и воскликнул: «Николай Николаевич, Вы их забили своими кругами!...». Доклад самого П.С. Урысона был посвящён некоторым топологическим свойствам плоских континуумов. Ни мы, ни сам докладчик не понимал, что это первая ласточка новой математической школы – топологической».

Этот пассаж Люстерник завершил следующими словами: «Так состоялась первая в советское время математическая конференция, первая встреча математиков двух крупнейших научных центров». Мы же к этим словам добавим следующее: так без видимого внешнего успеха завершилась первая попытка москвичей сломать лёд в отношениях с петербуржцами. Ни о каком серьёзном прорыве в этих отношениях (хотя москвичи и делали шаги, призванные их наладить – так Н.Н. Лузин нанёс визит проживавшему тогда в Петергофе А.А. Маркову [1], [с.27]) нельзя было говорить, если в 1926 году, то есть через добрые пять лет после означенного события, академик Я.В. Успенский в письме академику А.Н. Крылову дал такую оценку творчеству Н.Н. Лузина и созданной им школе (цитирую по [8], [с. 193]): «Относительно Лузина я знаю, что он хороший специалист в своей области (теория множеств и связанная с нею канторовско-лебеговская дребедень), блестящий профессор, создавший в Москве школу своих учеников и своим влиянием упразднивший настоящую математику в Москве».

Последующее десятилетие внесло целый ряд изменений во взаимоотношения математиков двух математических школ, которые развивались тем более успешно, что очень многое стало зависеть от связей со столицей, которой теперь уже стала Москва. Однако конец кон-

⁶У Костицына эта информация отсутствует.

⁷С некоторыми сокращениями текст доклада Стеклова воспроизведён в первом томе *Успехов математических наук* за 1946 год - во 2 (12) выпуске (с. 4-11), посвящённом 150 - летию П. Л. Чебышева.

⁸Мы уже говорили о том, что память подвела Костицына - у него сложилось убеждение, что Александров участвовал в «десанте». Так, описывая прогулку москвичей по ночному Петрограду (а это был июнь - время белых ночей), Костицын даже пишет [4], [с. 204]: «...Павел Самуилович Урысон ничего не замечал, кроме разлитой вокруг красоты, а его alter ego, Павел Сергеевич Александров, с ненавистью смотрел на “дорогого учителя”». Для нас такая «ошибка» должна служить серьёзным предупреждением: критически относиться к информации, доставленной памятью.

фронтации положил внешний фактор, вмешательство посторонней силы – державной воли «отца народов» И.В. Сталина. В осуществляемых им реформах будущее здание Советской науки мыслилось им в виде пирамиды, управляемой из вершины, в которой располагается «штаб советской науки» – в соответствии с его идеями реорганизованная Академия наук СССР, которая должна всегда быть у него «под рукой», то есть в Москве. В соответствии с этим Президиум Академии и 14 ведущих институтов следовало перевести в Москву, что и было осуществлено в 1934 году. Так что в 1934 Математический институт им. В.А. Стеклова переехал в Москву и представители двух великих школ были вынуждены жить и трудиться вместе. Возник их удивительный синтез, усиленный учёными, приехавшими в столицу из других центров математической мысли – синтез, заложивший основу для формирования Советской математической школы – одной из определяющих развитие мировой математической мысли второй половины XX столетия.

И математический «десант» из Москвы, высадившийся ранним июньским утром 1921 года на Николаевском вокзале Петрограда, стал первым шагом в её строительстве, хотя никто из участников этого события не мог об этом тогда даже и помыслить. Вот, как об этом писал Л.А. Люстерник [2], [с. 28]: «Состоялась первая после революции встреча двух основных математических школ и она показала, что несмотря на все трудности и потери, математическая наука в нашей стране жива. Более того, она пускает молодые ростки. И мы, в большинстве своём мальчишки и девчонки в науке, оказались у истоков большой реки советской математической науки. Мы оказались в каком-то смысле прикосновенными к её зарождению. Конечно, мы тогда явно не осознавали, но что-то чувствовали в этом роде».

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люстерник Л.А. Выступление на юбилейном заседании Московского математического общества // Успехи математических наук. Т. 20. Вып. 3. с. 21 – 30.
2. Люстерник Л.А. Молодость Московской математической школы // Успехи математических наук. Т. 22. Вып. 23. с. 189 – 239.
3. Прудников В.Е. Пафнутий Львович Чебышев (1821 – 1894). М.: Наука. 1976.
4. Костицын В.А. «Моё утраченное счастье ...»: Воспоминания, дневники. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение. 2017.
5. Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М.: Наука. 1968.
6. Михайлов Г.К., Степанов С.Я. К истории задачи о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки в случаях Гесса и Ковалевской и их геометрического моделирования // Историко-математические исследования. 1984. Вып. 28. с. 223 – 246.
7. Демидов С.С. Повесть о двух городах / Демидов С.С. Математика в России на поворотах истории. Сборник статей. М.: МЦНМО. 2021. с. 65 – 79.
8. Ермолаева Н.С. Новые материалы к биографии Н.Н. Лузина // Историко-математические исследования. 1989. Вып. 31. с. 191 – 203.

REFERENCES

1. Lyusternik L.A. Address at the jubilee session of the Moscow mathematical society // Uspekhi matematicheskikh nauk. V. 20. № 3. pp. 21 – 30.

2. Lyusternik L.A. The early years of the Moscow mathematical school // Uspekhi matematicheskikh nauk. V. 22. № 2. pp. 189 – 239.
3. Prudnikov V. E., 1976, Paphnutiy Lvovich Chebyshev (1821 – 1894). Moscow.: Nauka.
4. Kostitsyn V.A., 2017, “My Lost Happiness...”: Memories, diaries. V. 1. Moscow: New literary review.
5. Yushkevich A.P., 1968, History of mathematics in Russia before 1917. Moscow: Nauka.
6. Mikhailov G.K., Stepanov S.Ya., 1984, On the history of the problem of the rotation of a rigid body around a fixed point in the cases of Hess and Kovalevskaya and their geometric modeling // Istoriko-matematicheskie Issledovaniya. Vol. 28. pp. 223 – 246.
7. Demidov S.S., 2021, A Tale on Two Cities / Demidov S.S. Mathematics in Russia at the Turns of History. Digest of articles. Moscow: MTsNMO. pp. 65 – 79.
8. Ermolaeva N.S., 1989, New materials for the biography of N.N. Luzin // Istoriko-matematicheskie Issledovaniya. Vol. 31. pp. 191 – 203.

Получено 11.09.2021 г.

Принято в печать 21.12.2021 г.